

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
СЕНТЯБРЬ 2016 № 2 (19)

ВСЕЛЕННАЯ ЖЗЛ

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА

ЛИНИЯ ЖИЗНИ стр. 2

Валентин КУРБАТОВ:
«ЧЕГО ВСЁ ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛО
ГЛЯДЕТЬ? ХОЧЕТСЯ ДРУГОГО
УВИДЕТЬ»

Роман Сенчин и Олег Павлов, Захар Прилепин и Сергей Шаргунов, Алексей Варламов и Владимир Чугунов, Евгений Водолазкин и Майя Кучерская... И крепки они, и сильные, а вот «отрядом» их не увидишь и обоймой не выставишь, чтобы само собой родство выговаривалось, как прежде при именах Астафьев–Белов–Распутин.

НОВИНКИ стр. 3

Е. Морозова
«РОБЕСПЬЕР»

О. Брезгин
«СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ»

П. Люкимсон
«САЛАДИН»

В. Балашова
«ИАНА СПЕНСЕР»

И. Курукин
«ЕКАТЕРИНА I»

М. Петров
«ЭЛЬ ГРЕКО»

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ стр. 4

Генеральный директор ОАО «Молодая гвардия» Валентин ЮРКИН: «Чиновничество не подозревает, что книга — уникальное изобретение человечества, краеугольный камень цивилизации, важнейший инструмент развития интеллекта, совершенствования личности, общества и мышления. В сложном, противоречивом XXI веке книга нужна России как никогда!»

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ стр. 5

Журналисты, критики, читатели — о книгах «Арсений Тарковский», «Повседневная жизнь русских литературных героев», «Авраам Линкольн», «Шушкин» и «Непохожие поэты».

КНИГА—СОБЫТИЕ стр. 6

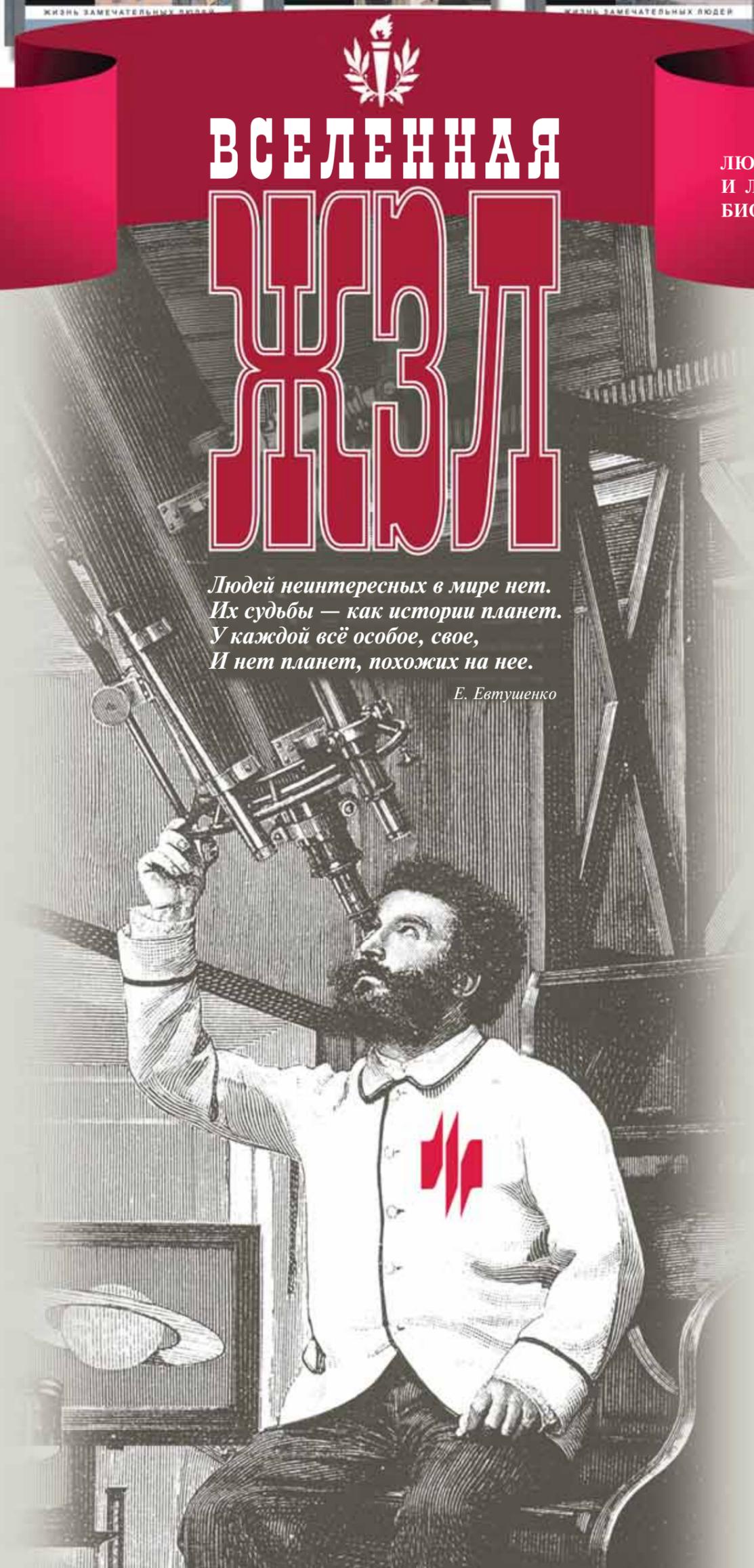
Дмитрий БЫКОВ: «Маяковский собирался написать роман «Двенадцать женщин», и главы этого романа я попытался вставить в книгу. Их, как легко догадаться, двенадцать, и в них я пытаюсь воспроизвести не столько стиль прозы Маяковского, сколько его подход к изображению собственной биографии. Что для него тут было важно? Была ли для него возможна духовная близость с женщиной? Мне кажется, единственный раз, когда он действительно интересовался интеллектом избранницы и пытался войти в контакт с ее душой, — случай Лили, но в то-то и фокус, что у Лили был ум Осипа... да отчасти и его душа. В остальных случаях, увы, контакта не возникло. Маяковский не очень был приспособлен к духовной близости с кем бы то ни было, с женщинами в особенности».

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ стр. 7

Презентации книги Сергея Шаргунова «Катаев: «Погоня за вечной весной»» в Государственном музее современной истории России и на фестивале «Красная площадь» вызвали большой интерес литературного и журналистского сообщества, чему способствовали как масштаб дарования героя книги, так и личность ее автора.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ стр. 8

Предлагаем вниманию читателей план мероприятий на стенде «Молодой гвардии» на 29-й Московской международной книжной выставке-ярмарке (7–11 сентября 2016 года).

Чтение, к счастью, обожают многие, но подавляющее большинство берет в руки книгу в свободное от работы время. Давний друг «Молодой гвардии», писатель, литературный критик, член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству Валентин КУРБАТОВ, напротив, принадлежит к числу тех, для кого чтение является и призванием, и профессией. Мы побеседовали с Валентином Яковлевичем о прошлом, настоящем и будущем отечественной литературы.

Валентин КУРБАТОВ:

«ЧЕГО ВСЁ ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛО ГЛЯДЕТЬ? ХОЧЕТСЯ ДРУГОГО УВИДЕТЬ»

— У нас в архиве хранится уникальная фотография: «Молодая гвардия» собирает у себя весь цвет нашей литературы. На встрече в издательстве: Расул Гамзатов, Петр Проскурин, Юрий Бондарев, Валентин Распутин, Владимир Крупин и другие. В том числе вы. Какое место занимало и занимает в вашей жизни издательство «Молодая гвардия»?

— Я как раз там на карточке из «и другие». Это 1992 год (у меня даже и число на обороте стоит — 4 июня) — не последний ли съезд писателей? Это меня, кажется, Виктор Петрович Астафьев заманил, потому что тогда вышло в «Молодой гвардии» его собрание сочинений с моим предисловием. Впрочем, вышло не целиком — время было для издательства трудное. Чувствовал я себя в этом высоком обществе смущенно и шептал на ухо Гамзатову, что я, очевидно, представляю здесь «многомиллионного читателя», а Расул Гамзатович смеялся: «Ну а я, наверно, представитель национальных литератур».

А связи были и раньше. Я писал предисловия и к Олегу Куваеву, и к книгам Валентина Григорьевича. Что-то мы затевали с Юрием Иванычем Селиверстовым. А уж потом выпадала честь и к серии «ЖЗЛ» предисловия писать — о Ренуаре, апостоле Павле, Шукшине, Федотове, Льве и Алексее Толстых. Так что я уж «своим» себя почувствовал и сегодня, пожалуй, и не прятался бы, как на той фотографии. А может даже, сидел бы и откинувшись на стуле.

— Как бы вы охарактеризовали значение советского этапа развития русской литературы? Должны ли образом мы сегодня к нему относиться?

— Хорошо бы охарактеризовал. Имена-то, имена — Замятин, Булгаков, Федин, Пильняк, Пастернак, Ахматова, Маяковский, Твардовский! Да и в самое-то последнее время — хоть те, кто на той фотографии: Распутин, Бондарев, Белов, «спрятанный» Виктор Петрович. Открывая Справочник Союза писателей СССР и сам решай, как относиться к Е. Носову, С. Залыгину, А. Битову, К. Кулиеву, К. Калладзе, Г. Матевосяну, В. Быкову, М. Бажану.. Это уж и не просто литература, а цивилизация, античность наша. А как мы относимся? — разгните статьи Вик. Ерофеева и увидите, что он справляет «поминки по советской литературе», откройте мемуары А. Приставкина и увидите, что помянутые мной писатели «далеки от культуры». Ну а нынешним ребятам «от литературы» и сам Бог велел расставлять локти пошире, вытесняя советскую литературу на периферию европейского существования, чтобы «рынок занять». Да только сами-то они при их проворстве все-таки нашей античностью не станут, потому что уничтожили «землю под ногами», без которой культура не стоит. Литература-матушка народом крепка, а когда вместо него оказывается только беспмятное «население», то читатель-то есть, а литературы, как континента, нет.

— Вы входите в состав жюри премии «Ясная Поляна», раньше были членом жюри «Национального бестселлера» и других литературных премий. В каком состоянии находится сегодняшняя литература? В каком направлении она развивается? Назовите имена современных авторов, которые вы с радостью открыли для себя в последнее время.

— Ну, тут я, может, поперек себе скажу, потому что «общая картина» часто отличается от «отдельных случаев». Русские же ребята! Дети русского слова! Куда мы без литературы? Она сама за себя заступится. И она держит в чистоте и свете мысль Романа Сенчина и Олега Павлова, Захара Прилепина и Сергея Шаргунова, не дает пошатнуться духовной традиции в книгах Алексея Варламова и Владимира Чугунова, Евгения Водолазкина и Майи Кучерской. И крепки, и сильны, а вот «отрядом» их не увидишь и обоймой не выставишь, чтобы само собой родство выговаривалось, как прежде при именах Астафьев—Белов—Распутин. Да и те, кто держит себя наособицу и торит дороги расторопному постмодернизму, тоже ведь не на чужой улице живут и умеют и сами над собой, и над временем посмеяться, так что иногда с горечью подумаешь, что им уж и самим эта «особица» в тягость и хотелось бы дружеством побыть. Поглядишь ли Владимира Сорокина, Виктора ли Пелевина, Андрея ли Геласимова. Вон у Андрея в повести «Холод» как

чудно высмотрен нынешний молодой, да уж и не очень, герой: «Вся эта игривость по отношению к жизни, его словечки, легкий и даже обаятельный цинизм, а самое главное — соблазн тут же забыть обо всем, были не просто знакомы Филе. Он сознательно вырастил эти свойства в себе, потратив на их выращивание годы». А? Ведь эти «фили» сегодня не одну литературу с журналистикой населили, а всю «улицу», вырабив за годы свободу ни за что не отвечать, потому что не родина ведь вокруг, а «постоялый двор» (как это у Федора Михайловича: «Нравственных идей теперь совсем нет; вдруг ни одной не осталось и, главное, с таким видом, как будто их никогда и не было. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России»). Ну, вот видите, значит, и тут «традиция»: «обаятельный цинизм» и «соблазн забыть обо всем». Со времен Федора Михайловича не переводились. Можно на минуту и утешиться. Раз уж было и оказалось преодолено, то, бог даст, и теперь потихоньку выветрится как простуда.

— Насколько развита сегодня культурная жизнь ставшего для вас родным Пскова, в котором вы живете уже больше полувека? В Москве и Петербурге вы, вероятно, бываете лишь наездами. Хватает ли этого, чтобы жить по-настоящему насыщенной культурной жизнью? Я имею в виду концерты, выставки, спектакли. Или за подлин-

ным искусством нужно теперь ехать не столько в столицы, сколько именно в провинцию?

— Ну, если «насыщенная культурная жизнь» — это выставки, спектакли, концерты, то я, грешный, этой жизнью давно не живу. Хотя в Пскове, как и везде теперь, и выставок и концертов достаточно. У нас вон и «Крешендо», и антрепризные спектакли лучших театров страны, и два десятилетия Всероссийский Пушкинский театральный фестиваль, и пушкинский Праздник поэзии. Не выезжай никуда, а общее представление о «культуре времени» будет. И я в меру сил смотрю, а то и участвую. А вот отчего-то настоящего ощущения глубокой культуры с некоторой поры нет. Оказывается, ее основу составляют вовсе не выставки и спектакли, а те, кто держит город своим человеческим сердцем. Приедешь в Красноярск и спрашивать о культуре не будешь, потому что тебе назовут имя Виктора Петровича и ты почувствуешь себя в середине мира. Приедешь в Иркутск, а там Валентин Григорьевич, и он таинственно определит духовную высоту всего города. Так у нас держала город высокая русская реставрация с великими именами Спегальского, Скобелыцына, Смирнова, словно они были и литературой, и театром, и кинематографом, и всё остальное крепилось их делом и славой. Чужими концертами и выставками свое единственное лицо не определишь. А мы нынче от этих постоянных гастролей и всевластного телевидения с Интернетом все немножко на одно среднеарифметическое лицо и оттого друг другу всё менее интересны — чего всё время в зеркало-то глядеть. Хочется другого увидеть. А это «другое» всё реже, и хоть мы всё время пытаемся убедить друг друга, что культуру спасет провинция, но это уж одно пустое общее место.

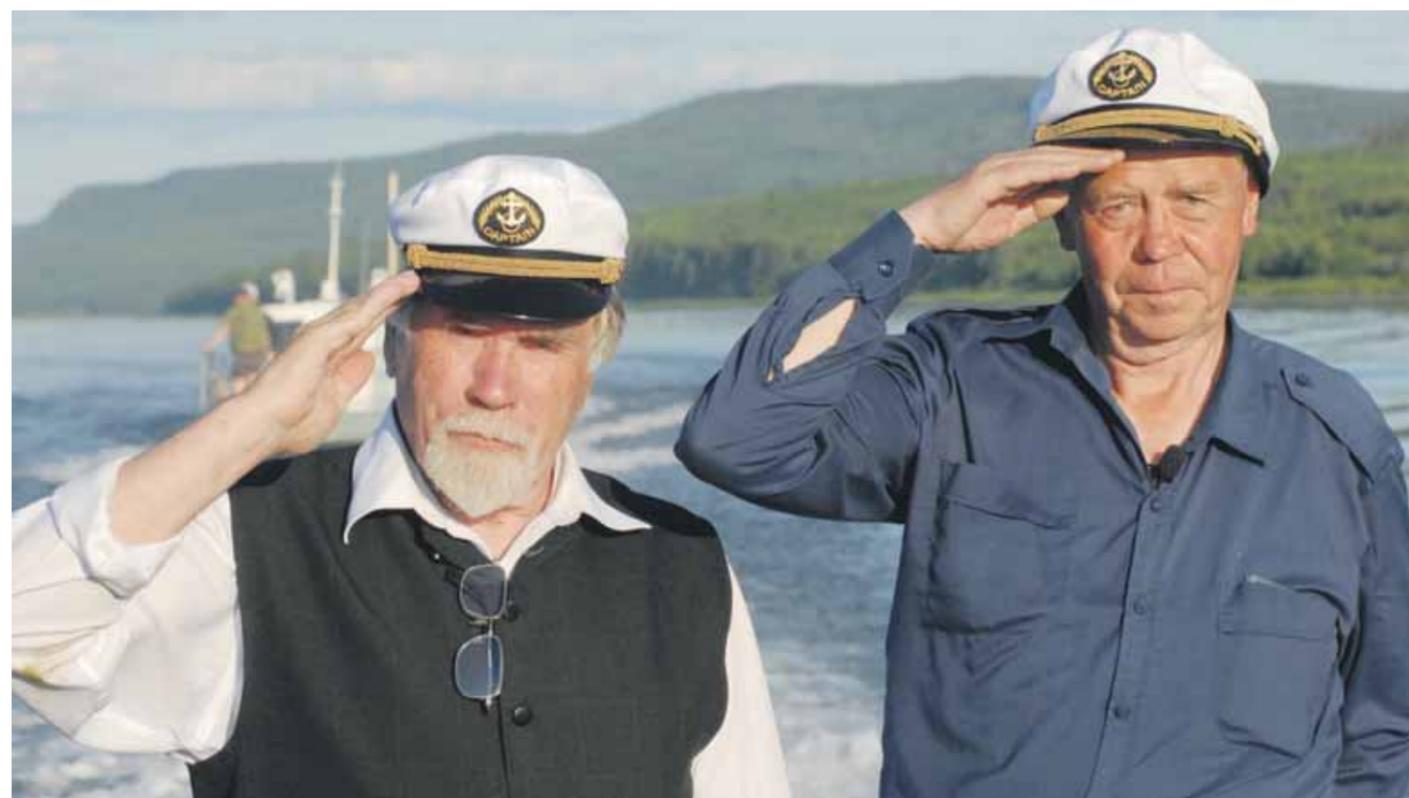
— Понятно, что литература, чтение занимают в вашей жизни главное место. А как вы проводите свободное от чтения время?

— А в чтении и провожу — только в другом. Начитаешься обязательного-то в жюри (а это бывает до сотни книг — иной человек за жизнь столько не читает, сколько бедные «эксперты» за три-четыре месяца) — захочется и «своего». Да ведь и друзья не щадят — тоже требуют, чтобы «почитал».

В прежние годы, когда времени было побольше (как странно, что к старости дни стремительно сокращаются!), любил шлопочные парусные походы с товарищами по Псковскому озеру, большой теннис, зимами лыжи и коньки и нет-нет набеги в Москву или Петербург потолкаться по выставкам и театрам. А уж теперь ни парусов, ни тенниса, ни театров (кроме обязательных, вроде Пушкинского театрального фестиваля). Остались одни лыжи и то потому, что грех не похвалиться олимпийским костюмом, который жаловали нам, несшим олимпийский огонь (я нес с товарищами в толстовской Ясной Поляне). Блеснешь, похвалишься, а потом не знаешь, как сердце успокоить. А приедешь в себя и за чтение! Куда уж мы теперь без него?

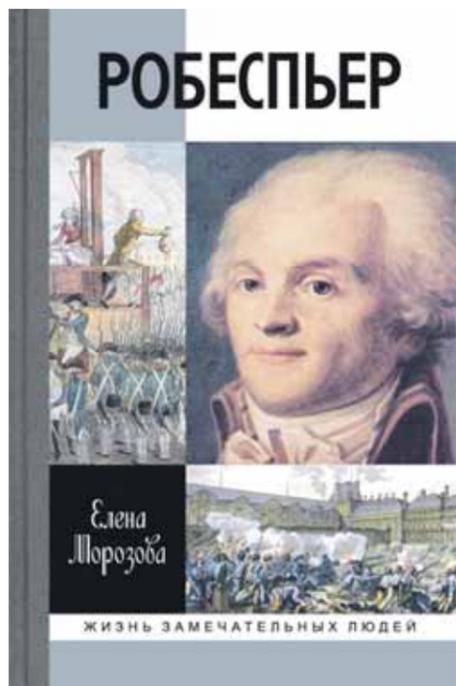
Сергей Коростелев

Полный текст интервью читайте на сайте «Молодой гвардии» gvardiya.ru в разделе «Наши эксклюзив».

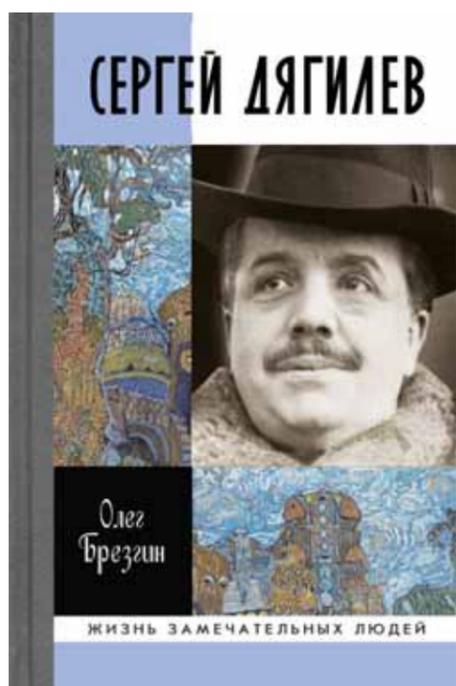
С Валентином Распутиным на капитанском мостике

ПАЛАЧ ИЛИ ЗАЩИТНИК?

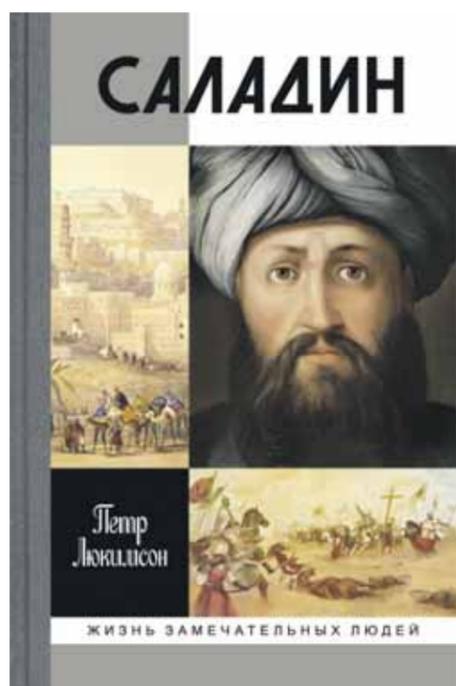
Робеспьер (1758—1794), чье имя прочно связано с Великой французской революцией, всегда был и остается человеком-загадкой. Посвятив всего себя защите интересов народа, он в результате превратился в палача этого народа. Начав свою политическую карьеру с требований отмены рабства, смертной казни и введения всеобщего избирательного права, он вскоре получил прозвище «Неподкупный» за верность своим принципам. Завершил же ее он делением граждан на «добродетельных» и «злых» и введением массового террора с целью истребления «врагов революции», за что в итоге был прозван тираном и «бешеной гиеной». Его обожали и ненавидели, его жизнь превратили в легенду: одни — в «золотую», о великом борце за свободу и счастье народа; другие — в «черную», о беспощадном диктаторе, рвущемся к власти буквально по головам своих соратников. Однозначного ответа нет и, видимо, уже никогда не будет. Останутся только попытки понять, о чем предостерегает История на примере судьбы своего избранника Максимилиана Робеспьера.

СЛУЖИТЕЛЬ ИСКУССТВА

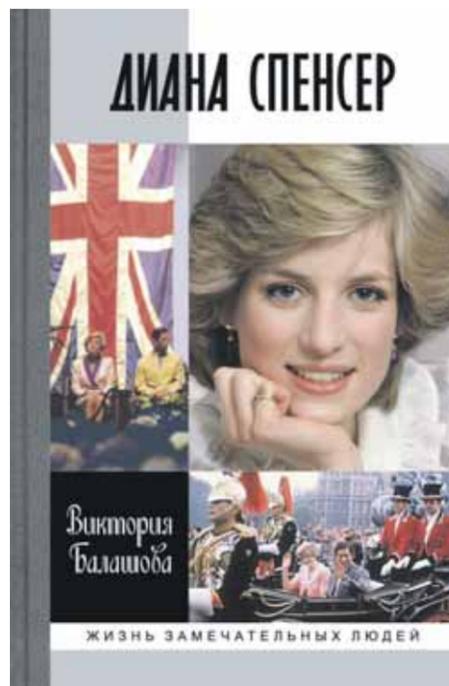
В истории русской и мировой культуры есть период, который принято называть «эпохой Дягилева». Такого признания наш соотечественник удостоился за беззаветное служение искусству. Сергей Павлович Дягилев (1872—1929) был одним из самых ярких и влиятельных деятелей русского Серебряного века — редактором журнала «Мир Искусства», организатором многочисленных художественных выставок в России и Западной Европе, в том числе грандиозной Таврической выставки русских портретов в Санкт-Петербурге (1905) и Выставки русского искусства в Париже (1906), организатором Русских сезонов за границей и основателем легендарной труппы «Русские балеты». Человек необыкновенно одаренный и энергичный, дерзновенный и даже властный, он обладал тонким вкусом и чутьем, умением выявлять в людях таланты в самом начале их формирования и давать им мощный импульс для развития и становления. Во многом благодаря Дягилеву имена российских художников, композиторов, певцов, танцовщиков и хореографов прогремели по всему миру.

ГРОЗА КРЕСТОНОСЦЕВ

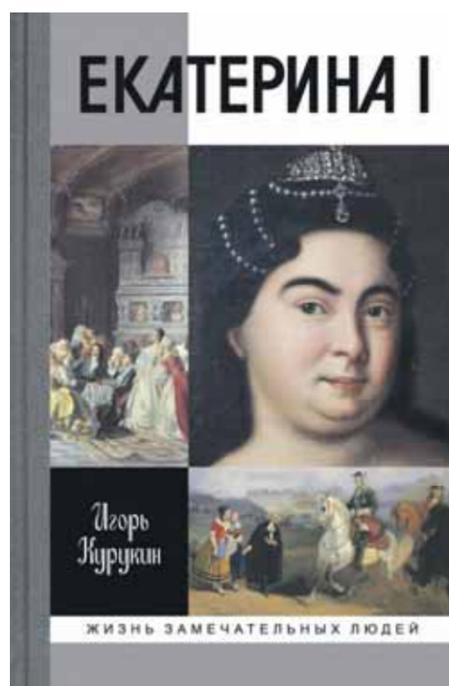
Книга посвящена султану Саладину — Юсуфу ибн Айюбу Салах ад-дину (1137—1193), одному из самых выдающихся полководцев, дипломатов и государственных деятелей мусульманского Востока, отвоевавшему у крестоносцев Иерусалим. Правитель Дамаска, он сумел не только противостоять крестоносцам, ведомым Ричардом Львиное Сердце, но и победить их. Мудрый политик, чье благородство и гуманизм даже по отношению к врагам уже давно стали легендой, он был талантлив и на поле боя, и в управлении созданной им ближневосточной империи. Ему удавалось сохранять мир между вчерашними врагами, договариваться с многочисленными кочевыми племенами и демонстрировать образец веротерпимости и отказ от принуждения в отношениях с приверженцами других монотеистических религий. Автор рассматривает жизнь и деятельность героя книги в контексте столкновения христианской, исламской и еврейской цивилизаций и всей последующей истории Европы и Ближнего Востока, вплоть до драматических событий первых десятилетий XXI века.

КОРОЛЕВА СЕРДЕЦ

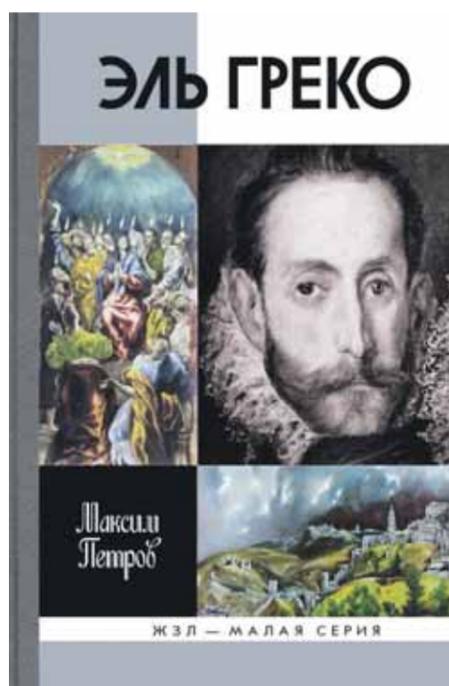
И сегодня, спустя почти 20 лет после своей трагической гибели, леди Ди, или, по-другому, Диана Спенсер (1961—1997), так же, как и прежде, глядит на нас с обложек глянцевого журнала. Для многих поколений женщин она остается кумиром, образцом, которому хочется подражать. Яркая и неординарная личность, Диана считалась иконой стиля, но при этом никогда не забывала о проблемах простых людей. Прозванная на родине «королевой сердец», открытая, искренняя и эмоциональная, она активно занималась благотворительной и миротворческой деятельностью, боролась со СПИДом, лейкемией, пороками сердца у детей, противопехотными минами. Но что скрывается за красивым фасадом? Недюжинный ум, доброе сердце... Или что-то еще? Писательница Виктория Балашова называет ее смерть самоубийством длиною в жизнь, а саму принцессу — женщиной, которая не умела быть счастливой. А если так, то счастье ей не смог бы подарить ни один, даже самый лучший мужчина в мире, будь он хоть британским, хоть каким-то другим принцем...

ЛИФЛЯНДСКАЯ ЗОЛУШКА

История знает немного примеров, когда ничем не примечательный человек из самых низов общества достигал вершины власти не своими талантами и волей, а силой обстоятельств. Один из них — история лифляндской Золушки, сироты-служанки Марты из прибалтийского захолустья, в годы военного лихолетья начала XVIII века оказавшейся пленницей русских солдат и рабыней их командиров. Обаятельная «портюшечка» сумела затмить других «метресс» царя Петра I, приспособилась к крутому нраву государя и единственная могла успокаивать его во время нервных припадков, делила с ним радости и печали, тяготы военных походов и заграничных путешествий. Став его законной супругой Екатериной, она справлялась с ролью царицы так, как будто готовилась к ней с детства, а после смерти мужа взшла на трон в результате дворцового переворота. Книга историка Игоря Курукина, написанная на основе документов, рассказывает о необычном жизненном пути Екатерины I (1684—1727) — домохозяйки, волею судеб ставшей первой российской императрицей.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ГРЕК

В истории (и особенно в истории культуры) встречаются выдающиеся личности, чьи биографии, словно невидимые нити, сшиваются в единое целое духовное пространство Запада и Востока. Одной из таких личностей был Доменикос Теотокопулос — гениальный, самобытный живописец и скульптор, более известный как Эль Греко (1541—1614). Его судьба складывается из ярких фрагментов — детства и юности, проведенных на родном Крите, периода учебы в мастерской легендарного Тициана в Венеции, активного творческого поиска, которому художник отдался в Риме, переезда в Испанию и, наконец, почти четырех десятилетий жизни в ее древней столице Толедо, принесших критянину славу и бессмертие. В книге изложены основные события биографии Эль Греко, включая те, что основываются на недавно сделанных открытиях, а также дана попытка ответить на вопрос, почему гений мастера, которого современники называли просто «Грек», до сих пор волнует зрителя, завораживает и заставляет задуматься, в чем смысл истинного творчества.

Валентин ЮРКИН: «В XXI ВЕКЕ КНИГА НУЖНА РОССИИ КАК НИКОГДА»

Генеральный директор ОАО «Молодая гвардия» Валентин Федорович ЮРКИН дал свою оценку ушедшему Году литературы, обозначил основные проблемы книжной отрасли и пригласил к дискуссии о путях выхода из глобального кризиса, в котором российское книгоиздание пребывает уже 25 лет.

— Как вы оцениваете итоги Года литературы? Что удалось сделать?

— Отрадно, что появился новый книжный фестиваль — и не где-нибудь, а на Красной площади! Отмечу размещение полного собрания сочинений Льва Толстого в Интернете, публичное чтение «Войны и мира». Энергичнее прошли Московская международная книжная выставка-ярмарка и ярмарка интеллектуальной литературы «Non/fiction». Всё это — признаки некоего поворота власти к проблемам книги и чтения. Когда подул «попутный ветер», заметно расправил плечи и Российский книжный союз во главе с его президентом С. В. Степашным.

Однако многие из тех, кто работает в книжной отрасли, непосредственными результатами Года литературы разочарованы: они утверждают, что к лучшему ничего не изменилось, что в провинции этого события вообще не заметили. Периодически появляются и острые публикации в прессе. Чего стоит одна только умная статья генерального директора Московского дома книги Н. И. Михайловой с характерным заголовком — «Сужающееся пространство книг». В статье, в частности, сообщается, что реализация по итогам полугодия в сети МДК упала на 7%. Заметьте, это не случайный и не одиночный факт!

— И всё же, на ваш взгляд, удалось ли Году литературы сдвинуть российское книгоиздание с мертвой точки?

— Бесспорно, огромная волна писательских встреч, дискуссий, премий повлияла на всех, кто ценит особую миссию письменного слова, и породила надежду на то, что с тяжелой ситуацией с книгой наконец будет покончено. Особую уверенность придало то, что работу по расчистке гуманитарных завалов возглавил лично президент. В. В. Путин в последние три года не пропустил ни одной важной встречи с писателями, переводчиками, издателями, языковедами, библиотекарями. На Литературном собрании 2013 года он сделал нелюбимый доклад о положении книги и чтения, активно председательствовал на Общественном совете по культуре. А главное, в тот момент, когда большинство привыкло к маргинальной ситуации с книгой и чтением и смирилось с ней, президент заговорил о государственной безопасности: от сохранения русского языка, развития литературы, книги, чтения зависит, останется страна Россией или нет. Надеюсь, это повлияет на чиновничество, которое не подозревает, что книга — уникальное изобретение человечества, краеугольный камень цивилизации, важнейший инструмент развития интеллекта, совершенствования личности, общества и мышления. В сложном, противоречивом XXI веке книга нужна России как никогда!

— В чем, по-вашему, ключевая проблема российского книгоиздания?

— В том, что до сих пор нет полного понимания всей глубины провала отрасли — прежде всего в 1990-е годы — и тех последствий, которые ухудшают ситуацию и сейчас. А провал таков, что чисто культурными, агитационно-пропагандистскими акциями дело не исправить. Они, безусловно, нужны, чтобы всколыхнуть общество, пробудить силы, вернуть правительство лицом к проблеме, но запущенность материальных, финансовых основ книгоиздания и книгораспространения одним воспеванием книг не исправить. Нужны сверхусилия государства во имя культуры, как это было в 1930-е годы.

Сейчас же доступность серьезной книги

из-за постоянно растущей цены резко снижается. Ее средняя цена — 400 рублей, а в магазинах она достигает 600–700 рублей. Культура не может вмещаться в жесткое прокрустово ложе российского капитализма! Данные за 2015 год говорят об ужесточении кризиса. Выпущено 112 647 наименований книг, но тираж почти половины из них — менее 500 экземпляров. Это, как правило, ведомственная литература, методические брошюры, издания за счет автора и т. д. Статистику они улучшают радикально, а в просвещении не участвуют. Физически эти книги и брошюры составляют всего 5%. Книги же, которые можно назвать массовыми (с тиражом от 50 до 100 тысяч экземпляров), составляют всего 1%.

Еще большестораживает кривая падения общего тиража книг. За семь лет, с 2009 по 2015 год, книгоиздание сократилось на 39,6%. Из ежегодного оборота исчезло больше трети выпускаемых книг. И в 2015 году ситуация только ухудшилась. Криков, воплей, предупреждений об опасности почему-то не слышно. Возникает вопрос: а что останется еще через несколько лет, в 2020 году, если не прервать процесс угасания? Рожки да ножки?

Можно сказать, что Россия обескнижена. Вы хорошо знаете, что 90% всех выпускаемых книг издается в двух столицах и здесь же «потребляется», что создает видимость благополучия. А на 120–130 миллионов граждан России приходится жалкие 10% изданий.

Нельзя забывать и еще одно обстоятельство, негативно сказавшееся на чтении. Люди, родившиеся в пресловутых 1990-х, росли в эпоху коллапса экономики, когда миллионы семей обнищали, когда жизнь была переполнена стрельбой, взрывами, страшными террористическими актами, двумя чеченскими войнами. И это поколение не получило «прививки чтения». Сейчас оно выросло, создало свои семьи и не подозревает, что существует Вселенная Книги.

Резюмируя, скажу, что объем выпуска российской книги категорически не соответствует потребностям развития громадной России. Официально у нас ежегодно выпускается 3 книги на душу населения (реально 1,5–2 книги, как в 1913 году), в то время как в Израиле — 7, в Японии — 11, в СССР было 12. Делаем вывод: нужно капитальное обновление!

— Хотелось бы, чтобы вы развили тему финансовой и инфраструктурной составляющей книжной отрасли.

— Задолженность государства перед культурой за последние 20–25 лет очень велика. В 2014 году исчезло 1000 книжных магазинов, хотя и раньше наше отставание в этом вопросе было весьма существенно: на каждые 100 тысяч населения книжных точек даже в Москве в шесть раз меньше, чем в Европе. Аналогичный процесс наблюдается и с библиотеками, особенно в сельской местности. Библиотечные фонды ветшают и не пополняются как нужно. Благая инициатива Минкультуры, разрешающая библиотекам покупать книги напрямую у издательства, вызывает слезы, ведь библиотеки вынуждены экономить и приобретают только по одному экземпляру наших лучших изданий. Странно, что в Год литературы книг «Молодой гвардии» библиотеки страны приобрели на 45% меньше, чем раньше!

Вся обширная система книгоиздания и книгораспространения, библиотек и клубов, музеев и выставок, кино и средств массовой коммуникации имеет смысл, когда она трогает душу и сердце молодого человека.

Остаточный принцип государственного финансирования наносит всё увеличивающийся вред. Кровь чернеет при воспоминании о пожаре в ИНИОНе, когда погибло 15–20% фонда. Судя по прессе, дела в РГБ — нашей главной библиотеке — тоже идут неважно. Не скрою, что я весь обзавидовался, когда побывал в новом роскошном здании Лондонской библиотеки и через 20 минут получил право пользоваться ее фондами.

Врут, когда говорят, что нет денег! Верните монополию на производство и продажу водки, и проблема будет решена! Миллиардеров, понятный, станет меньше, но молодежь спасем. Сегодня бутылка водки в три раза дешевле книги. На душу населения, включая младенцев, приходится 36 бутылок!

— Задам традиционный русский вопрос: «Что делать?»

— Благодаря В. В. Путину в 2015 году во имя Книги сделан важный шаг. Мотором дальнейшей работы должен стать Комитет по поддержке литературы, книгоиздания и чтения, созданный на основе Оргкомитета Года литературы. Прежде всего нужно составить некое подобию «Белой книги о Книге» и выработать многолетнюю государственную стратегию для правительства и общества.

Любая работа, связанная с человеком, отличается особой сложностью, поэтому требуется тонкое соединение массовости с прицельной точностью индивидуального подхода. Вся обширная система книгоиздания и книгораспространения, библиотек и клубов, музеев и выставок, кино и средств массовой коммуникации имеет смысл, когда она трогает душу и

сердце молодого человека. Поэтому нужно перейти к созданию государственной многолетней программы, комплексно охватывающей весь феномен культуры.

Существующая Национальная программа поддержки и развития чтения — полезный документ, но его рекомендательный характер, отсутствие конкретных планов и задач работы, количественных показателей и финансирования делают его абстрактным и бессильным изложением пожеланий. Известно, что ряд стран, которые уже приняли конкретные программы, — Финляндия, Канада, Южная Корея, Новая Зеландия, — добились блестящих результатов в сфере гуманитарного развития детей и молодежи.

Благодаря своим уникальным функциям книга нужна во всех структурах государства, повсюду, где работают управленцы. Если бы все они покупали и читали книги, ситуация была бы иной. Н. И. Михайлова заметила, уже сегодня проблема в том, что книга находится вне общества. Вывод неожиданный для руководителя успешной группы магазинов, но точный по сути. Появление даже самых значительных книг не является событием, поводом для дискуссии в нашем обществе.

Смысл всех моих размышлений сводится к одному: при кооперации с государством та же «Молодая гвардия», как и сотни других издательств, уже сегодня могла бы давать стране в 40–50 раз больше. Государство должно это ценить, а на практике мы лишь преодолеваем препятствия. К примеру, за три года правительство Москвы увеличило нам налог на имущество в 6, а плату за землю — в 13 раз!

Из интервью журналу «Книжная индустрия»

Р. С. К сожалению, итоги первого полугодия—2016 не утешительны. (От редакции.)

Запущенность материальных, финансовых основ книгоиздания и книгораспространения одним воспеванием книг не исправить.

Культура не может вмещаться в жесткое прокрустово ложе российского капитализма.

Не скрою, что я весь обзавидовался, когда побывал в новом роскошном здании Лондонской библиотеки и через 20 минут получил право пользоваться ее фондами.

По традиции во втором в году номере «Вселенной ЖЗЛ» мы публикуем ряд интересных рецензий на книги «Молодой гвардии», которые были написаны как журналистами и литературными критиками, так и рядовыми читателями. Напоминаем, что свои отзывы на наши книги вы можете оставлять на соответствующих страницах молодого гвардейского сайта.

Виктор ФИЛИМОНОВ. Арсений Тарковский

Это — не просто повествование о жизни и творческом пути поэта, но и преломление в свете этой яркой судьбы таких понятий, как дихотомия «жизнь—смерть» («лето—зима»), параллелизм реального мира и поэтического, их влияние друг на друга. Поэт словно сам пишет свою судьбу, выражая письменным словом часть общего замысла. И это отражено в названиях его книг: «Перед снегом» (первая книга поэта) и «Зимний день» (написанная в конце жизненного пути).

Пронзительные детали биографии Арсения Тарковского, которые мастерски сопоставил и художественно изложил Виктор Филимонов, отчасти раскрывают причины особенностей мироощущения поэта. Эпизод с «отмороженными руками», прочно осевший в психике ребенка как воплощение неуюта, враждебности, колючего холода тягостной жизни, которая больше похожа на выживание, лег в основу стихотворения 1937 года «Я руки свои отморозил...». «Я в детстве заболел от голода и страха...» — напишет он позднее.

Особое внимание в книге уделяется непростым взаимоотношениям поэта с сыном, теме преемственности. Один из сквозных мотивов у младшего Тарковского — мотив дома и бездомности, неприкаянности, сиротства. Отец «отразился» в «зеркале» сына как идеал творца, художника.

Наталья Каулина. Заблудившись в бездне времен // Литературная газета

Ольга ЕЛИСЕЕВА. Повседневная жизнь русских литературных героев. XVIII — первая треть XIX века

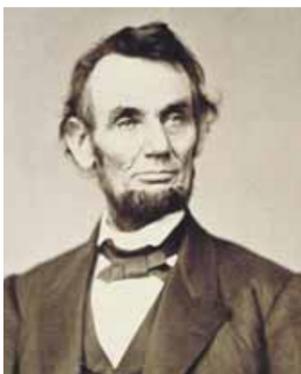
Ю. Д. Коровин. Хлестаков

Любая книга, особенно классическая, пережившая не одно столетие, подобна шкатулке с бесчисленным множеством потайных отделений. Да вот беда: со временем ключи от большинства из них теряются. Нам остаются сюжет да вневременные смыслы, что тоже немало, но отнюдь не достаточно, чтобы сполна постичь авторский замысел. Приметы эпохи, детали и тончайшие нюансы, столь много сообщавшие первым читателям, для нас умолкают навсегда. Историк Ольга Елисеева берется их «разговорить» и приглашает к практически детективному расследованию, в результате которого хрестоматийные герои — Чацкий и Татьяна Ларина, Печорин и Хлестаков — предстанут в необычном, нам незнакомом, но естественном для своих современников свете.

Три самые увлекательные главы посвящены «Бедной Лизе» (первой в русской литературе эротической повести, над которой скучают нынешние девятиклассники, даже не предполагая, сколько пикантностей проходит перед их сонным взором), «Ревизору» и «Герою нашего времени». Почему Николай I, выйдя с представления пьесы господина Гоголя, воскликнул, что ему больше всех от автора досталось? Да потому что в Хлестакове узнал... себя! А отчего ему так не нравился роман Лермонтова? Просто император был реалистом и в сказки про вампиров не верил. При чем тут вампиры? А вот при том...

Анна Хрусталева. Печорин-вампир // Учительская газета

Дмитрий ОЛЕЙНИКОВ. Авраам Линкольн

Спустя 55 лет после переводной книги Карла Сэндберга (1961) в серии «Жизнь замечательных людей» увидела свет новая биография 16-го президента Соединенных Штатов Америки Авраама Линкольна. Стоит сразу заметить, что новое издание намного компактнее предыдущего варианта — 415 страниц, тогда как переводчики Сэндберга даже в сокращенном виде уместили труд на 703. Однако «сжатость» ни в коей мере не подрывает того, что Олейников исключил какие-то аспекты жизни и деятельности своего героя. Скорее наоборот — к биографии Линкольна проявлено по-настоящему увлеченное отношение. Вскрыты и генеалогия политика, и его шаги на пути к высшей американской государственной должности... Всё это изложено с таким вкусом, с такой изумительной точностью, что новинка в буквальном смысле «проглатывается» за один вечер — без возможности отрыва. Если Сэндберг в переводе Грибанова и

Шеффера может оставить впечатление некой затянутасти, где-то излишнее внимание к мелочам, то с книгой Олейникова ситуация гораздо более увлекательная. Да, чуть больше можно было сказать о потомках Линкольна, в частности, упомянуть его единственного внука Авраама-младшего, внезапная смерть которого в 17 лет пресекла мужскую линию рода... С другой стороны, эти вопросы, быть может, еще ждут своего исследователя. Для Дмитрия Ивановича Олейникова — писателя-историка, перу которого принадлежат биографии Николая I и Бенкендорфа, опыт «переключения» на американский вектор исследований оказался вполне удачным, с чем автора можно искренне поздравить.

Александр Зрячкин // Отзыв на книгу на сайте «Молодой гвардии»

Алексей ВАРЛАМОВ. Шукшин

«Шукшин» — книга в первую очередь увлекательная. Есть сложный и восторженный герой, есть эпоха, данная в своем становлении, есть история с завязкой и неразгаданной тайной в конце. Налицо все признаки настоящей классической литературы.

Варламов ставит во главу угла — того угла, из которого потянулись нити жизненного пути Шукшина, — трагедию безотцовщины. Отца Шукшина арестовали по ложному обвинению в саботаже колхозного движения и расстреляли через пару месяцев после ареста. До момента реабилитации отца в 1956 году Шукшин, носивший тогда материнскую фамилию Попов, был уверен в том, что отец предал советскую власть, но хуже того — навлек позор на их семью. Эта травма потери отца и обиды, по словам Варламова, сделала Шукшина несгибаемым и упертым. Целью всей жизни Шукшина была слава. Он хотел прославиться именно как гений-самородок. Народный герой. И вот это — ключевой момент, дающий развитие всей книге. Сергей Есенин говорил: «Без славы ничего не будет — хоть пополам разорвись. Так всю жизнь Пастернаком и проживешь». Эти двое — Есенин и Шукшин — пожалуй, с самого начала знали, что им «пастернаками» жить не придется.

Уверенность эта при чтении биографии Шукшина поражает. Видимо, это и есть часть того народного гения — авантюризм и примерка кафтана не по чину, — это свойство у Варламова описано прекрасно. Шукшин все делал слегка наоборот, будто не замечая должного хода вещей. В детстве он воровал книги и, не окончив семи классов, умел писать не хуже дипломированного ученого. Он «кричал петухом» — буквально, — учась в техникуме на автомеханика «из-за непонимания поведения поршней в цилиндрах». Став учителем и директором (это без среднего-то образования) в местной школе родного села Стретки, он пил с учениками водку на перемене.

Из воспоминаний ученика Шукшина: «Он был спокойный, тихий. Никогда не ругался. С ним я начал выпивать. У нас-то денег не было, а он давал деньги, и мы заранее покупали водку. После занятий в длинном школьном коридоре мы и выпивали. Бывало, что и на переменах прикладывались». Про себя же Шукшин говорил, что ни одного дня в жизни не прожил расслабленно. И это похоже на правду. По Варламову выходит, что Василий Макарович был эдаким концентрированным зарядом народного таланта, который, правда, массу сил был вынужден тратить, чтобы этот талант явить — иметь возможность продемонстрировать. Зато уж когда он находил возможность, он сел на нее и ехал на ней до упора.

Так он поступил во ВГИК, предъявив полный набор козырей советского благонадежного элемента: крестьянское происхождение, служба на флоте, работа учителем, гимнастерка и сапоги. Так он стал коммунистом — даже разочаровавшись в советском строе после реабилитации отца, из партии не вышел — зачем? Ведь членство — это возможность, отчего ими пренебрегать?

Так он и печатался сразу в двух противостоящих друг другу журналах — «Октябрь» и «Новый мир». Он не замечал условностей, которые не позволяли этого делать другим, — почему нужно отказываться, если дают?

В конце концов тот заряд — чудовищной силы напряжение, разнонаправленный талант и строгость к собственному творчеству — предопределил шукшинский финал. Он сгорел от кофе — пил его ужасно много, от водки — завязал (но бывших же не бывает) и в первую очередь от себя самого. Сердце не выдержало той жизни, где не было ни одного расслабленного дня.

Варламов отдельно говорит о том, что Шукшин с иронией относился к Высоцкому, называя его «Гамлетом с Плющихи», и не любил Смоктуновского. Потому что они оба играли Гамлета. А Шукшин Гамлета не сыграл, хотя и очень хотел. И прав на это желание у него было достаточно — он хорошо понимал мотив мести за отца. Артистом был и Шукшин — комсомольцем, коммунистом, моряком, учителем, тем, у кого душа болит за русский народ, почвенником, другом шестидесятников, пьяницей, писателем, тонким выразителем внутренней боли простого человека и тщеславным авантюристом. Он всю жизнь играл роли, безупречно перевоплощаясь и становясь образом, вмещаая в себя их все. И теперь уж никто не скажет, сыграл ли он самого себя — Шукшина Василия Макаровича.

Дмитрий Самойлов. Слава и смерть Василия Шукшина // Московский комсомолец

Захар ПРИЛЕПИН. Непохожие поэты

Б. В. Иогансон «Рабфак идет» (1928)

Название этой книги восходит к известной формуле Николая Глазкова, предтечи русского поэтического андеграунда:

Что такое стихи хорошие?

Те, которые непохожие.

Захар, однако, вектор «непохожести» разворачивает не вовне, а внутрь: «Сложно найти трех настолько различных поэтов той эпохи, как Мариенгоф, Корнилов, Луговской. Никто из троих не упоминал друг друга в своих текстах. Никакого интереса никто из них друг к другу не проявлял. Эстетики их почти не совпадали. Это — тезис, а дальше намечен антитезис: «Едва ли и у меня есть возможность объяснить, что их объединяет, кроме времени». Но «время» — категория слишком громоздкая и абстрактная; Захар явно имеет в виду его порождение — Революцию. С ней у всех троих героев книжки — жгучая и смертная связь, как говорил другой поэт, именно здесь они — прямая родня.

Привлекательность биографических очерков Прилепина в цветущем богатстве контекстов.

Это и впрямь сад расходящихся тропок: можно потянуть любой сюжет, хронотоп, имя — и выстроит нечто уже самостоятельное. Или соединить концы будущим — так, Иосиф Бродский полагал Луговского «огромным мастером», а Мариенгофских «Циников» — одним из главных романов века.

Авторская интонация поначалу раздражает: панибратская и даже застольная. Рукопожатная (не в распространенном сегодня смысле), похлопывающая по плечу: много фамильярности в разговоре о Корнилове, мелькает в очерке о Мариенгофе (длительность знакомства?), почти нет в разделе о Луговском. Именно ближе к финалу приходят объяснение и понимание: эту тройку поэтов Захар полагает как бы равной себе (наверное, всё же не по меркам таланта и судьбы, а по масштабу сделанного в литературе и положению в ней). По отношению к Есенину или Маяковскому (или, если угодно, в ином роде — Пастернаку, Мандельштаму) он себе вряд ли бы такое позволил. Впрочем, в обещанной книге «ЖЗЛ» Прилепина о Есенине у нас будет возможность в этом убедиться.

По мнению автора, трех «непохожих» героев, помимо всего прочего, объединяет то, что «как поэты они теперь почти забыты». Что ж, подобное, хоть и с оговорками, можно было говорить и о классике Леониде Максимовиче Леонове — в момент выхода книги о нем в серии «ЖЗЛ». Сегодня про Леонова этого сказать никак невозможно. Надеюсь, что и в случае трех поэтов популяризаторский пафос Прилепина обернется схожим эффектом.

Алексей Колобородов. Три поэта и русская Революция // Свободная пресса

В 2006 году известный поэт, писатель, историк литературы, публицист Дмитрий Быков удостоился первого места премии «Большая книга» за биографию Бориса Пастернака. В 2009 году — также в серии «ЖЗЛ» — вышла написанная им биография Булата Окуджавы. А вот следующей молодогозвардейской книги Быкова читателям пришлось ждать долго — но оно того стоило. Книга «Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях» стала настоящим событием в литературном, филологическом мире.

ТРАГЕДИЯ-БУФФ В ШЕСТИ ДЕЙСТВИЯХ

Подлинное значение Владимира Маяковского определяется не тем, что в советское время его объявили «лучшим и талантливейшим поэтом», — а тем, что и при жизни, и после смерти его личность и творчество оставались в центре общественного внимания, в кругу тем, образующих контекст современной русской культуры. Роль поэта в обществе, его право — или обязанность — активно участвовать в политической борьбе, революция, любовь, смерть — всё это ярко отразилось в стихах Маяковского, делая их актуальными для любой эпохи.

Среди множества книг, посвященных Маяковско-

му, особое место занимает его новая биография, созданная известным поэтом, писателем, публицистом Дмитрием Быковым. Подробно описывая жизненный путь своего героя, его отношения с властью, с соратниками и противниками, автор сосредоточивает внимание на ключевых моментах, видя в них отражение главных проблем русской интеллигенции и шире — русской истории. Этим книга напоминает другие работы Быкова — биографии Бориса Пастернака и Булата Окуджавы, — образуя вместе с ними трилогию о судьбах русских поэтов XX века.

ДМИТРИЙ БЫКОВ: «ИНТЕЛЛЕКТОМ СВОЕЙ ИЗБРАННИЦЫ МАЯКОВСКИЙ ИНТЕРЕСОВАЛСЯ ЛИШЬ ОДНАЖДЫ»

— Над биографией Маяковского вы работали семь лет. Что нового открыли вы для себя в его личности? Какое значение имеет для вас эта книга?

— Ну, все-таки пять, а не семь, и с перерывом на три романа — «Икс», «Сигналы» и «Квартал», которые я считаю довольно важными. Но и там Маяковский присутствует фоном, и вопросы, которые меня мучили при работе над этой биографией, как-то обдумывались и разрешались при сочинении этих книжек. Самое трудное было найти интонацию, а она уже подводит к некоторым идеям. Обычно у меня было наоборот — я знал, что хочу сказать, и в процессе нащупывал стиль. А здесь я сначала должен был понять, как вообще можно писать про эпата и авангардиста, и уж только потом, когда нашлась интонация, стали ясны некоторые закономерности его судьбы. Именно поэтому я не могу сказать, «что нового мне открылось в его личности». Я думаю, мне открылся стиль, тон — интонация, если хотите, — с которыми он думал о себе. Пересказать это я не могу.

— Можно ли сказать, что жизнь и творчество Маяковского оказались более сложными для осмысления, чем судьбы Пастернака и Окуджавы?

— Конечно. Именно потому, что он все-таки гораздо меньше похож на обычного человека. Он очень странный человеческий вид, и не зря комфортно ему стало только в катастрофические времена. Обычная жизнь, которую любил Пастернак и умел Окуджава, была для него совершенно невыносима.

— Мы приближаемся к 100-летию Февральской и Октябрьской революций. Как принял их Маяковский и как менялось его отношение к этим эпохальным событиям впоследствии?

— Не менялось, думаю. И Февраль, и Октябрь были этапами краха той самой обыденщины, которая так его мучила. Думаю, политический смысл революции он воспринимал гораздо хуже и путаннее, чем даже Блок, тоже ценивший в них только музыкальную стихию. Маяковский в политике вообще ничего не понимал, хотя всю жизнь писал о ней (но писал плохо, повторяя передовицы).

— Большое место в литературе о Маяковском уделяется его отношениям с женщинами. Много ли внимания уделили этой теме вы? Кто, на ваш взгляд, был главной любовью Маяковского?

— Маяковский собирался написать роман «Двенадцать женщин», и главы этого романа я попытался вставить в книгу. Их, как легко догадаться, двенадцать, и в них я пытаюсь воспроизвести не столько стиль прозы Маяковского, сколько его подход к изображению собственной биографии. Что для него тут было важно? Была ли для него возможна духовная близость с женщиной? Мне кажется, единственный раз, когда он действительно интересовался интеллектом избранницы и пытался войти в контакт с ее душой, — случай Лили, но в том-то и фокус, что у Лили был ум Осипа... да отчасти и его душа. В остальных случаях, увы, контакта не возникало. Маяковский не очень был приспособлен к духовной бли-

зости с кем бы то ни было, с женщинами в особенности.

— Как идет работа над следующей вашей книгой в серии «ЖЗЛ» — об Анне Ахматовой?

— Сейчас самый приятный этап — обсуждение и придумывание. Это будет очень необычная книга. Настолько необычная, что я не знаю, напечатают ли ее. Но грех был бы удержаться от ее написания, когда в руках у тебя оказывается поистине бесценный документ — нечто вроде «Посмертных записок Ахматовского клуба», записки секретаря Ахматовского общества, рассекреченные только к пятидесятилетию со дня ее смерти, 6 марта 2016 года. Это тайное общество поддерживало и охраняло Ахматову на протяжении пятидесяти лет ее жизни — единственный случай в истории русской литературы, когда читатель в буквальном смысле спасал своего писателя, выполняя розановский завет. Эта тема, этот нестандартный угол зрения, естественно, с подробным литературоведческим и фактографическим комментарием, составляют основу будущей книги и служат поводом к ее появлению.

— Вы наверняка следите за новинками серии «ЖЗЛ». Назовите ваши любимые книги последнего времени.

— Мне понравилась книга Матониана о Блюмкине и, конечно, Чертанова о Разине. Хорошо, что серия раздвигает тематические и, главное, жанровые границы. Прямо получается остров свободы — идеологической и стилистической.

Сергей Коростелев

Эскизы костюмов, сделанные Маяковским к пьесе «Мистерия-буфф»: «Семь пар чистых». 1919 г.

СТОИТ ЛИ ЧИТАТЬ БЫКОВА О МАЯКОВСКОМ?

Эта книга не предполагает маленькой легкомысленной рецензии со схематичным пересказом сюжета в начале и бодрым тизером в конце. Этот неподъемный (килограмм веса) том так туго набит мыслями, филологическими инсайтами, историческими параллелями, внутренней полемикой, кропотливым фактологическим крохоборством, эмоциями, скороговорками и длиннотами, что попытка перемещаться по нему в сколько-нибудь быстром темпе чревата риском навеки в этом лабиринте потеряться. Каждое предложение приглашает к дискуссии. Каждая деталь, каждый третьестепенный персонаж тянет за собой отдельную повествовательную линию — иногда сплошную, иногда прерывистую. Каждая идея проговаривается многократно, всякий раз немного по-другому, вынуждая читателя едва ли не поминутно отступать назад, чтобы проверить — так кто же был самым верным учеником Маяковского, Равич или все же Кирсанов? Маяковский — он для Быкова кто, Христос, Арлекин или скорее Дон Кихот?..

Эта книга — не связный рассказ, но всё, что Быков когда-либо читал, слышал, думал или только собирался подумать про Владимира Маяковского. Поэтому не слишком удивительно, что первое впечатление от погружения в книгу — абсолютный хаос. Автор ссорится с героями или иронизирует над ними (иной раз кажется, что его разговор, скажем, с Горьким или Сельвинским самоценен и не нуждается в присутствии свидетелей, то есть читателей), кого-то критикует, кого-то утешает и подбадривает. Он приводит цитаты из поэтов, в которых чувствует влияние Маяковского или, наоборот, прозревает его предтечу, а после, словно бы предугадывая читательский вопрос, сам себя тормозит: «Что, не видите родства? Сейчас объясню...» — и дальше на пару страниц, забыв обо всем, с головой ныряет в глубинный анализ текста. Главу о Шкловском он пишет на манер темной и рваной прозы Шкловского, а главу о Чуковском — в духе язвительной и хлесткой критики самого Корнея Ивановича. Из фрагментов воспоминаний, из собственных мыслей, из стихов и воздуха времени он собирает портрет Маяковского-человека, любовно добавляет детали, а после сам с собой спорит, стирает получившуюся картину, рисует заново — и вновь возвращается к исходному варианту.

Конечно, читателю (и почитателю) изысканно выверенного «Пастернака», в котором не было ни одной лишней строчки, трудно смириться с этой хаотической мощью. Однако если отрешиться от собственных ожиданий, то окажется, что «Тринадцатый апостол» книга в некотором смысле не менее замечательная — и уж точно не менее важная.

Во-первых, если читерским образом заглянуть в оглавление, то выяснится, что среди бурлящего хаоса всё же прослеживается некоторая путеводная структура — условная и зыбкая, конечно, но тем не менее. Книга поделена на шесть частей (не случайно ее подзаголовок — «трагедия-буфф в шести действиях»), у каждой из которых имеется сквозная тема: «Выстрел» концентрируется вокруг самоубийства, «Голос» — вокруг сценических выступлений Маяковского, «Главари» повествует главным образом о времени, когда поэт фактически руководил литературной жизнью страны. Внутри «действий» тоже есть определенный повторяющийся паттерн: в каждом имеется глава «Двенадцать женщин», рассказывающая о возлюбленных Маяковского, и глава «Современники», в которой речь идет о важных людях, сыгравших ту или иную роль в жизни поэта (почти все они начинаются на один манер — «С Горьким получилось очень плохо», «С Хлебниковым получилось не совсем хорошо»). Более того, при всем обилии расползающихся в разные стороны протуберанцев книга в целом имеет некое подобие кольцевой композиции: начавшись с рокового выстрела, им же она и заканчивается.

А во-вторых, — и это самое важное, — в этой книге есть такие странные, непопулярные и вроде бы совершенно не обязательные вещи, как величие и благородство.

Быков, в своей публицистической ипостаси известный как беспощадный остроумец, на сей раз ни о ком не говорит по-настоящему дурно, ни с кем не сводит счетов. Его взгляду присущи подлинная мудрость и глубина, исключающая возможность мелочного раздражения и неприязни: даже о Горьком — едва ли не самом отталкивающим персонаже книги — он говорит так, что в нем виден в первую очередь сложный живой человек, а не мелочный, мстительный и неупорядоченный (распускал о Маяковском грязные и лживые слухи) литератор средней руки. Взбравшись на недостижимую высоту и оттуда, из поднебесья, обозревая воссозданный им мир, Дмитрий Быков демонстрирует при этом неотъемлемые свойства локального бога — всепонимание (но не всеоправдание) и всепрощение (но не готовность к тотальной амнистии).

Что же до величия, то оно закономерно следует из масштаба авторского дарования и замысла: не всякий день встречаешь книгу, внутри которой живет, дышит, ворочается целый мир — огромный, несурзанный, хаотичный, многообразный и потому особенно живой. Мир, в который можно надолго уйти, притворив за собой дверь, чтобы не сквозило снаружи.

Ну, и последнее замечание. Быков не был бы самим собой, если бы наряду с сырыми, написанными словно бы начерно фрагментами в его книге не встречались пассажи такого кристального совершенства, что их хочется, — пользуясь словами Пастернака, — носить с собою, знать наизубок, шататься по городу и репетировать. Словом, ни разу не биография Маяковского и вообще черт знает что, а не книга, но определенно одно из важнейших литературных событий года.

Из статьи Галины Юзефович на портале «MEDUZA»

ОТ РАССТРЕЛЬНОГО ПОДВАЛА ДО ГЕРОЯ СОЦТРУДА

В Государственном музее современной истории России состоялась презентация новинки серии «ЖЗЛ» «Катаев: «Погоня за вечной весной»». Мероприятие вызвало большой интерес литературного и журналистского сообщества, чему способствовали как масштаб дарования героя книги, так и личность ее автора — известного писателя Сергея Шаргунова.

Непосредственная работа над книгой заняла у Шаргунова два с половиной года, в течение которых он, по собственным словам, засыпал и просыпался с мыслью о Катаеве. Писатель любил называть свои произведения строчками из произведений чужих: так, «Белеет парус одинокий» — разумеется, из Лермонтова, а, к примеру, словосочетание «Алмазный мой венец» взято из сцены «Бориса Годунова», которую Пушкин не включил в окончательный текст. В этой связи — в качестве подзаголовка — Шаргунов хотел взять именно катаевские слова: «Погоня за вечной весной» — так писатель характеризовал свою жизнь. Впрочем, Шаргунов ссылается здесь на еще одно чужое — цитату из песни Егора Летова: «Вечная весна в одиночной камере».

Двумя главными источниками стали для Шаргунова свидетельства родственников Катаева и архивные материалы, с которыми Сергеем помогла автор нескольких книг серии «ЖЗЛ» Оксана Киянская. «Катаев» вводит в научный оборот, в частности, письма Мандельштама, Зощенко, Багрицкого, Петрова, которые хранятся у племянницы Анны Коваленко — одесской жены Катаева. Отметим, что на обложке книги — ранее неизвестные акварели Катаева, и это далеко не все новшества, которые преподносит читателю Шаргунов.

Ректор Литературного института Алексей Варламов поддержал начинание издательства «Молодая гвардия», которое нередко приглашает в «ЖЗЛ» не профессиональных литературоведов — специалистов, не отступающих от определенной темы, а тех, кто чувствует себя в литературе более свободно и раскованно. С мудростью человека, написавшего шесть книг «ЖЗЛ» о советских писателях, Варламов отметил, что биография Катаева, несомненно, позволит лучше понять наше недавнее прошлое — русский XX век.

Внучка писателя Тина Катаева — от себя и от лица своей матери Евгении Валентиновны — поздравила Шаргунова с поистине титаническим трудом, с которым, по ее словам, справился бы далеко не каждый молодой человек. Шаргунов, в свою очередь, поблагодарил Тину за фотографии из семейного архива Катаевых, которые она предоставила и которые были опубликованы в книге.

Многие именитые гости не скупились на заслуженные комплименты, отмечая, что Шаргунов написал потрясающе интересную книгу о человеке с фантастической биографией. Так, поэт, публицист, критик Юрий Кублановский рассказал, что прочитал книгу Шаргунова залпом:

— Главы, на которые она разбита, имеют законченный сюжет, так что их можно читать по отдельности — как небольшие захватывающие произведения. В молодости, считая себя ярким диссидентом, я с гневом читал интервью Катаева, в которых тот признавался, что уважает Ленина и не расстанется с томиком его сочинений. Считая, что находясь с Катаевым по разные стороны баррикад, я тем не менее сразу отдал должное его повести «Уже написан Вертер» (1979) — о бойне, которую красные учинили в Одессе. По сенсационности публикации это произведение можно сравнить с «Одним днем Ивана Денисовича».

Вторил Кублановскому и известный литературовед, ведущий программы «Игра в бисер» Игорь Волгин:

— Катаев — писатель уникальный; по крайней мере, я не знаю, кто еще блестяще начал, потом два-три десятилетия «буксовал», а потом снова раскрывался, — с Катаевым это произошло в 1950–1960-е годы.

Не осталась в стороне от поздравлений в адрес Шаргунова Ирина Лукьянова, хотя на Катаева она тоже имела — и имеет — виды: после того как в 2006 году в серии «ЖЗЛ» вышел ее «Корней Чуковский», Ирина решила написать биографию именно Валентина Катаева.

Внучка писателя Тина Катаева и автор книги «Катаев» Сергей Шаргунов

Однако работу над рукописью она так и не завершила, и Шаргунов ее опередил.

— Несмотря на это соперничество, я за Сергея рада. Мы с ним заключили пакт о ненападении и взаимопомощи, — сказала Ирина, признавшись, что, как она надеется, и ее книга о Катаеве тоже увидит свет.

В ответном слове Шаргунов заявил, что не ставил цель написать «жизне святого Валентина», но защитить своего героя от несправедливых нападок было для него делом чести. И Шаргунов доказывает, что неправ был Бунин, когда написал в «Окаянных днях»: «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За сто тысяч убью кого угодно»». На самом же деле слова про

убийство за сто тысяч были цитатой из рассказа «Опыт Кранца», который Катаев приносил Бунину. Не может согласиться Шаргунов и с Борисом Чичибабиным, которому было «жалко негодяев — как Алексей Толстой и Валентин Катаев».

Книгу «Алмазный мой венец» критиковали даже не за панибратство, а за то, что судьба многих из тех, о ком написал Катаев, сложилась более или менее трагично, а Катаев, мол, жил и здравствовал. По мнению Шаргунова, за всеми обвинениями в цинизме, предательстве и продажности чаще всего стояла обыкновенная зависть к катаевскому дару.

— Давайте говорить прямо: Катаева всегда травнили... Идею преемственности страны он ставил во главу угла и противился всему, в чем

видел расшатывание государственных устоев. При этом Катаев всегда выступал в защиту свободы творчества — например, когда пытался защитить Солженицына.

Жизнь Катаева вобрала в себя множество исторических эпох — от Николая II до Горбачева. Первая мировая война, ученичество у Бунина, тиф, не позволивший Катаеву сесть на корабль до Константинополя. Деникин, Троцкий, Сталин. Влюбленность в сестру Булгакова Лелю. Идея романа «Двенадцать стульев», подаренная Ильфу и Петрову — младшему брату Катаева, который писал под этим псевдонимом... В доме Асеева Катаев дрался с Есениным, а в доме самого Катаева провел свой последний вечер Маяковский. После Великой Отечественной войны основанный Катаевым журнал «Юность» открыл большую дорогу в литературу многим знаменитым писателям, которых впоследствии стали именовать шестидесятниками. Постоянно подвергаемый критике со стороны консервативных кругов, Катаев так и не получил право возглавить «Литературную газету», а страсти вокруг его произведений порой сталкивали между собой всеисильные советские ведомства — идеологический отдел во главе с Суслымом и КГБ Андропова.

Отвечая на вопрос, как Катаеву удалось стать заслуженным советским писателем и Героем Социалистического Труда, несмотря на службу в Белой армии, Шаргунов еще раз сослался на твердую государственническую позицию Катаева. Именно на нее, а не на конформизм, следует делать акцент при анализе сложных жизненных поворотов Катаева. В 1920 году в Одессе Катаев оказался на грани расстрела как участник «Врангелевского заговора на маяке», а после этого, остро переживая распад империи, перешел на сторону красных, в которых увидел спасителей России.

Шаргунов подчеркивает, что за свои почти 90 лет Катаев прожил сотню жизней и, несомненно, состоялся бы как писатель при любых властях и любых режимах. Но флюгером Катаев — опять же — не был: просто жизнь была для него Большой Игрой, и в эту игру он умел играть.

— Жизненная амплитуда Катаева — от расстрельного подвала Одесского ЧК до золотой звезды Героя Социалистического Труда в кремлевском зале — поражает нас сейчас и будет предметом интереса следующих поколений читателей, — резюмировал Шаргунов.

Владимир БОНДАРЕНКО: «БРОДСКИЙ БЫЛ ОТКРОВЕННОЙ ПИТЕРСКОЙ ШПАНОЙ»

3–6 июня на Красной площади состоялся одноименный книжный фестиваль, на котором были представлены книги «Молодой гвардии». Отдельное — пристальное — внимание мы уделили «Катаеву» Сергея Шаргунова и «Бродскому» Владимира Бондаренко.

Первым с посетителями фестиваля — в прошлом году он носил название «Книги России» — пообщался Сергей Шаргунов. На «переменке» его поприветствовал известный литературный критик и публицист Владимир Бондаренко, который пришел представить второе издание своей книги «Бродский: Русский поэт», вышедшей в Малой серии «ЖЗЛ».

— Считаю, что в русской поэзии второй половины XX века было два гения — Иосиф Бродский и Юрий Кузнецов. При всей непохожести их роднит то, что оба они шли не от пушкинской, а от допушкинской ветви русской поэзии — Тредиаковского, Державина

С Бродским я был знаком, когда учился в Ленинграде. Мы много раз общались, я приносил ему свои стихи (чересчур авангардистские, вроде «дыр бул шыл» Крученых) и однажды гостил у Иосифа дома. Поэзию мою Бродский раскритиковал, и по делу! Благодаря ему я понял, что стихи — это не мое, и стал критиком. С тех пор в мире книг я и живу, — рассказал Владимир Григорьевич.

Отвечая на вопросы, Бондаренко постарался развеять некоторые мифы, связанные с именем Бродского. Например, модно выставить Бродского ярким антисоветчиком, каковым он якобы стал еще со школьной скамьи, когда, взбунтовавшись против системы, бросил после 7-го класса школу. На самом же деле Бродский просто не пожелал учиться и наверняка бросил бы любую другую школу — не только советскую, но и европейскую и американскую:

— Принято считать, что Бродский был тихим, интеллигентным еврейским мальчиком, а он был откровенной питерской шпаной! — заявил Бондаренко.

Зрелый же Бродский был охвачен идеями русской имперскости, о чем, по мнению Бондаренко, красноречиво свидетельствуют такие его замечательные государственнические стихотворения, как «Народ» (1965), «На смерть Жукова» (1974), «На независимость Украины» (1994). Последнее — спустя двадцать лет — обрело, как оказалось, поистине пророческую силу. И, разумеется, Бондаренко категорически не согласен с теми, кто, подобно Игорю Шафаревичу, называет Бродского русофобом. Будучи стопроцентным евреем, Бродский, однако, нашел в себе русскую основу. В этом ему, кстати, помогла ссылка в Норенскую, которая позволила ему оказаться в самой гуще деревенской народной жизни со всеми ее трудностями и радостями.

— Я, конечно, не говорю, что всех поэтов и писателей стоит отправлять в ссылку, как Бродского, и на каторгу, как Достоевского. Но нельзя не признать, что для творческого человека любой опыт полезен. В частности, Бродскому Норенская дала многое, — отметил Бондаренко.

Рассуждая о феномене поэтического творчества, Бондаренко напомнил, что история литературы не знает поэтов, которые гениально писали бы стихи на двух языках, — как бы хорошо ни владели они этими языками в повседневной жизни. Получив признание как русский поэт, Бродский — по приезде в США — предпринял попытку стать еще и поэтом американским. К счастью, он вовремя оставил эту затею, ибо в Америке его написанные по-английски стихи стали подвергаться насмешкам, и недоброжелатели утверждали, что Нобелевскую премию Бродский получил незаслуженно — за политику.

Работая над книгой, Владимир Бондаренко посетил американские города, где жил Бродский, воспетую поэтом Венецию, Швецию, где Бродскому вручали Нобелевскую премию. Это уже можно считать визитной карточкой Владимира Григорьевича, который точно так же пропитывался атмосферой лермонтовских мест (вплоть до родины предков — Шотландии), когда писал предыдущую свою книгу «ЖЗЛ» — «Лермонтов: Мистический гений». Ныне Бондаренко часто гостит в Таллине — в эмиграции в Эстонии провел последние годы жизни Игорь Северянин, биографию которого Владимир Григорьевич пишет сейчас для серии «ЖЗЛ».

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ

на стенде (F1-G1)

издательства «Молодая гвардия»
на 29-й ММКВЯ (7–11 сентября 2016 года)

7 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА

12.00 – 12.45 – В. А. Никонов «Молотов: Наше дело правое»
13.00 – 13.45 – П. Е. Фокин «Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый»
14.00 – 14.45 – А. П. Житнухин «Владимир Крючков: Время рассудит»
15.00 – 15.45 – Трехтомник «Ребята с нашего двора». М. А. Макарычев («Александр Мальцев»), В. И. Новиков («Владимир Высоцкий»), Л. А. Данилкин («Юрий Гагарин»)
16.00 – 16.45 – А. Н. Варламов «Михаил Булгаков», «Шукшин» и другие книги

8 СЕНТЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ

12.00 – 12.45 – Т. А. Мансуров «Нурсултан Назарбаев»
13.00 – 13.45 – И. В. Курукин «Екатерина I», «Романовы»
14.00 – 14.45 – О. И. Елисева «Петр III»
15.00 – 15.45 – А. Л. Мясников «Александр III»
16.00 – 16.45 – О. Г. Сидоров «Платон Ойунский»

9 СЕНТЯБРЯ, ПЯТНИЦА

12.00 – 12.45 – Е. В. Матонин «Яков Блюмкин»
13.00 – 13.45 – П. В. Басинский «Лев Толстой – свободный человек»

14.00 – 14.45 – Д. Л. Быков «Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях»
15.00 – 15.45 – М. Чертанов «Степан Разин»
16.00 – 16.45 – Т. А. Матасова «Софья Палеолог»

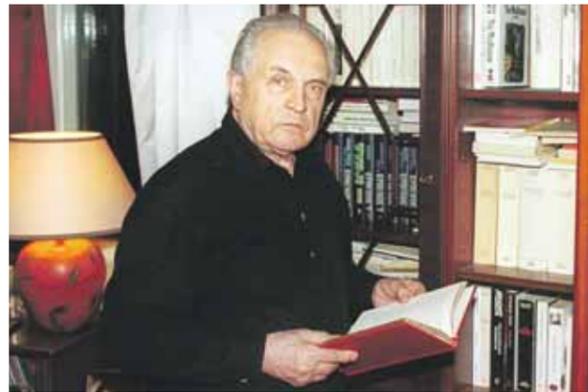
10 СЕНТЯБРЯ, СУББОТА

12.00 – 12.45 – Н. М. Долгополов «Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта – Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны»
13.00 – 13.45 – А. А. Горбунов «Анатолий Тарасов»
14.00 – 14.45 – А. Г. Румянцев «Валентин Распутин»
15.00 – 15.45 – А. Е. Куланов «Роман Ким»
16.00 – 16.45 – С. А. Шаргунов «Катаев: "Погоня за вечной весной"»

11 СЕНТЯБРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

12.00 – 12.45 – Л. В. Кириллина «Бетховен»
13.00 – 13.45 – М. К. Залеская «Ференц Лист»
14.00 – 14.45 – В. В. Балашова «Диана Спенсер»
15.00 – 15.45 – Р. В. Кузнецова «Курчатов»
16.00 – 16.45 – Е. В. Плаголева «Дюк де Ришелье»

Недавно серию «ЖЗЛ» пополнило жизнеописание выдающегося философа, логика, социолога, писателя Александра Александровича Зиновьева (1922–2006). На основе множества источников в книге исследуются все стороны жизни и творчества героя, многогранность напоминая гениев Возрождения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

Итак, Рубикон перейден. Прощай, Германия! Прощай, Европа! Прощай, Запад! «Общеввропейский дом», о строительстве которого с воодушевлением говорили все 1990-е годы, еще недостроенный, уже рухнул в огне балканских событий. К марту 1999-го они достигли своей кульминации. Вооруженные силы НАТО в нарушение всех международных правил и Устава ООН начали военную операцию против Югославии.

С самого начала Зиновьев был на стороне единой Югославии. Он не сомневался в том, что междоусобная распря на Балканах спровоцирована западными спецслужбами. 23 марта 1999 года, в день, когда началась бомбардировка Югославии, Зиновьев выступил с заявлением «Я с вами, сербы!». Он стремился донести свою позицию и до западной аудитории. Не уставал повторять при каждой возможности, что война на Балканах – это война против самой Европы. Лишь единичные его интервью доходили до печати. Никто не хотел расстраивать себя правдой. О надвигающейся деградации европейского мира Зиновьев говорил на конгрессе швейцарского ПЕН-центра, проходившем 7–8 мая в Лугано. Его доклад «Проблема свободы самовыражения» был воспринят с напряженным вниманием и горячо обсуждался.

Зиновьев покинул Европу без сожаления: «Я Запад никогда не принимал, и Запад не стал моим миром. Он был для меня чужим, чужим и остается. В свое время Россия не приняла меня, а я не принял Запад. Я возвращаюсь, потому что больше здесь находиться не могу. Запад есть враг России, враг моего народа. И поэтому мое место – на родине».

Двадцатого мая 1999 года ОВД «Чертаново-Северное» г. Москвы выдало Александру Александровичу Зиновьеву паспорт гражданина РФ. «Суверенное государство» Александр Зиновьев вошло в состав России.

Месяц ушел на сборы. И вот настал день возвращения. 30 июня. В Шереметьеве никакой официальной встречи организовано не было. Ждали только родственники и друзья. Сестра Ольги – Светлана. Из Института философии – А. А. Гусейнов и В. И. Толстых. Но не в качестве представителей учреждения, а в частном порядке. Из политиков, тоже без официальных полномочий, – С. Н. Бабурин, В. Б. Исаков, С. А. Плотов. Присутствовала и пресса – газетчики, телевидение. А вообще, если бы была возможность, власти предпочли бы умолчать факт возвращения Зиновьева, как в 1978 году умолчали его высылку на Запад. Станным образом, многое напоминало то злопамятное лето, а ведь с тех пор не просто 20 лет прошло, а мир перевернулся. Вот он и на родине. Дома!

(Из книги Павла Фокина «Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый»)

P. S. На сайте издательства «Молодая гвардия» читайте интервью с Ольгой Мироновой Зиновьевой.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Для удобства формирования вашей книжной полки мы публикуем хронологический список книг, вышедших в издательстве «Молодая гвардия» в марте–августе 2016 года в сериях «ЖЗЛ» и «Дело №...». В данный перечень включены также несколько внесерийных изданий.

Борис Пастернак / Дмитрий Быков. – 13-е изд. – 893[3] с.: ил. – Вып. 1582.

Степан Разин / Максим Чертанов. – 383[1] с.: ил. – Вып. 1583.

Наталья Гончарова: Царица русского авангарда / Владимир Полушин. – 523[5] с.: ил. – Вып. 1574.

Дюк де Ришелье / Екатерина

Плаголева. – 298[6] с.: ил. – Вып. 1573.

Крамской / Николай Карташов. – ЖЗЛ: Малая серия. – 254[2] с.: ил. – Вып. 102.

Платон Ойунский / Олег Сидоров. – 285[3] с.: ил. – Вып. 1581.

Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта – Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Николай Долгополов. – 3-е изд. – 367[1] с.: ил. – Вып. 1586.

Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях / Дмитрий Быков. – 827[5] с.: ил.

Роман Ким / Александр Куланов. – 414[2] с.: ил. – Вып. 1589.

Трумэн / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. – 479[1] с.: ил. – Вып. 1590.

Софья Палеолог / Татьяна Матасова. – 301[3] с.: ил. – Вып. 1591.

Сент-Экзюпери / Виржил Таназ; пер. с фр. И. А. Сосфеновой. – 331[5] с.: ил. – Вып. 1585.

Аркадий Чернышев / Леонид Рейзер. – 335[1] с.: ил. – Вып. 1567.

Владимир Крючков: Время рассу-

дит / Анатолий Житнухин. – 358[10] с.: ил. – Вып. 1587.

Меншиков: Полудержавный властелин / Николай Павленко. – 3-е изд. – 399[1] с.: ил. – Вып. 1580.

Заговор верхов, или Тотальный переворот / Святослав Рыбас. – 365[3] с.: ил.

Чингисхан / Мишель Хоанг; пер. с фр., вступ. ст., прим. В. Н. Зайцева. – 276[12] с.: ил. – Вып. 1592.

Катаев: «Погоня за вечной весной» / Сергей Шаргунов. – 703[1] с.: ил. – Вып. 1594.

Набоков / Алексей Зверев. – 3-е изд. – 475[5] с.: ил. – Вып. 1584.

Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях / Дмитрий Быков. – 2-е изд. – 827[5] с.: ил.

Валентин Распутин / Андрей Румянцев. – 447[1] с.: ил. – Вып. 1579.

Ференц Лист / Мария Залеская. – 495[1] с.: ил. – Вып. 1589.

Александр III / Александр Мясников; предисл. епископа Тихона (Шевкунова). – 566[10] с.: ил. – Вып. 1595.

Я – следователь. Т. 1 / Солидзон Джураев. – Дело №... – 311[9] с.: ил.

Сергей Дягилев / Олег Брезгин. – 639[1] с.: ил. – Вып. 1597.

Диана Спенсер / Виктория Балашова. – 235[5] с.: ил. – Вып. 1601.

Саладин / Петр Люкимсон; послесл. Ч. Гусейнова. – 335[1] с.: ил. – Вып. 1598.

Эль Греко / Максим Петров. – ЖЗЛ: Малая серия. – 261[11] с.: ил. – Вып. 104.

Игнатий Лойола / Анна Ветлугина. – ЖЗЛ: Малая серия. – 306[14] с.: ил. – Вып. 103.

Я – следователь. Т. 2 / Солидзон Джураев. – Дело №... – 361[7] с.: ил.

Екатерина I / Игорь Курукин. – 398[2] с.: ил. – Вып. 1599.

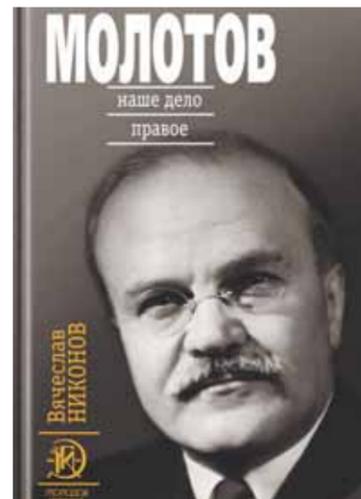
Робеспьер / Елена Морозова. – 255[1] с.: ил. – Вып. 1602.

Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый / Павел Фокин. – 749[3] с.: ил. – Вып. 1605.

Григорий Потемкин / Ольга Елисева. – 3-е изд. – 665[7] с.: ил. – Вып. 1603.

Владимир Высоцкий / Владимир Новиков. – ЖЗЛ: Великие люди России. – 462[2] с.: ил. – Вып. 13.

Юрий Гагарин / Лев Данилкин. – ЖЗЛ: Великие люди России. – 511[1] с.: ил. – Вып. 14.

Александр Мальцев / Максим Макарычев. – ЖЗЛ: Великие люди России. – 390[2] с.: ил. – Вып. 15.

Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 1 / Вячеслав Никонов. – 471[9] с.: ил.

Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 2 / Вячеслав Никонов. – 524[4] с.: ил.

Над номером работали:
В. Иванов, С. Коростелев, Р. Косыгин,
Г. Петров, Е. Корешкова, В. Эрлихман
Дизайн и верстка Д. Карпов
Корректоры Т. Маляренко, Г. Платова

молодая гвардия MOLODAYA GUARDIYA

Отпечатано в типографии ООО «Печатный Дом». Тел.: (495) 771-34-76

Наш адрес: 127055, Москва, ул. Суцневская, 21
Издательство: 8 (495) 787-63-85 <http://gvardiya.ru>
Отдел реализации: 8 (495) 787-64-20; 8 (495) 787-62-92
Отдел рекламы: 8 (495) 787-63-87; 8 (495) 787-63-57
Интернет-магазин: <http://gvardiya.ru/shop/>;
<http://www.facebook.com/gvardiya.admin>; 8 (495) 787-95-59
Тираж 1000 экз.